

МАЛОИЗВЕСТНАЯ НОВЕЛЛА КЛАССИКА

Куприн. Как много слилось в этом звуке для сердца любителей цирка!.. Акробаты, спортсмены, клоуны, борцы выходили на арену его рассказов во всем своем бесстрашии, блеске и кураже. А такие вещи А.И.Куприна, как "ALLEZ!" и "В цирке" высоко ценил сам Лев Толстой, называя писателя самым талантливым "из молодых".

Почти все, написанное Куприным о цирке, - хорошо известно. Но небольшую новеллу "Суррогат", приводимую ниже, вы не найдете в 9-томнике классика (самом полном собрании его сочинений, вышедшем в советское время). Вряд ли попадется она и в других купринских изданиях. Мы перепечатываем новеллу из парижской газеты "Возрождение" за 1929 год. С нею, как и с другими эмигрантскими изданиями ("Общее дело", "Русское время", еженедельником "Отечество") Куприн особенно активно сотрудничал в середине 20-х годов, когда жил во Франции. В это время Куприн особенно охотно писал рассказы о спорте, ци-

рке, животных - ставшие по-том хрестоматийными.

Новелла "Суррогат", по признанию автора, является как бы продолжением его "Ольги Сур" - рассказа, достаточно известного любителям литературы, встречающегося во многих изданиях писателя. Все же напомним, о чем там речь.

В героиню произведения - прекрасную акробатку, милую и добрую девушку Ольгу, младшую дочь хозяина цирка - влюблен артист из униформы месье Пьер. Он просит у директора руки его дочери. Но в ответ получает лишь насмешки. Тогда Пьер уходит из цирка, меняет имя и разрабатывает сложнейший акробатический номер, удивляя российских и зарубежных знатоков. Пьер надеется разбогатеть и прославиться, чтобы стать достойным своей избранницы. Однако публика оказывается не в состоянии оценить всей сложности трюка, номер не пользуется популярностью. В итоге Пьер остается ни с чем, а Ольгу Сур выдают замуж за

грека, промышленного торговца наркотиками.

В рассказе "Ольга Сур" - сюжетно динамичном и несколько сентиментальном - А.И.Куприн выписывает любимые свои типы: людей из низов, обладающих благородными душами, дерзкими порывами, готовыми постоять за свое достоинство. Такова и героиня публикуемой ниже новеллы, в которой Куприн вновь выступает коллекционером "редких и странных проявлений человеческого духа".

Нельзя не заметить, что новелла аukaется с рассказом еще и по способу организации сюжета. Если в "Ольге Сур" повествование ведется от лица клоуна-итальянца Танти Джеретти, то в "Суррогате" Куприн также ведет речь не от автора, а будто бы цитирует письмо из Болгарии от незнакомца.

Хотелось бы, чтобы новелла "Суррогат" заняла надлежащее место в творческом наследии А.И.Куприна и, конечно же, в сердцах читателей.

СУРРОГАТ

Я написал для "Возрождения" несколько рассказов из цирковой жизни. Они были многими читателями приняты с милой теплотой. Эту отзывчивость я отнюдь не склонен приписывать достоинствам моих сочинений: писал я попросту о том, что видел и слышал. Причина читательского одобрения совсем другая. Всех нас в ранней юности цирк восхищал, волновал и радовал. Кто из нас избегал его чудесной, здоровой, крепящей магии? Кто из нас забыл этот яркий свет, этот приятный запах конюшни, духов, пудры и лайковых перчаток, шелка и атласа блестящих цирковых костюмов, шелканье бича, холеных, рослых, прекрасных лошадей, выпуклые мускулы артистов? Тогда ведь видели мы гораздо зорче и совсем другими глазами, чем теперь. И возвращались мы из цирка домой широкими и упругими шагами, круто выпятив грудь, напрягая все мускулы. Легкие бывали у нас расширены от беззаботного, громкого, доброго хохота, и как ловко мы перепрыгивали через лужи!

Много драгоценных и, по совести скажу, полезных минут давал нам цирк. И теперешние знаки внимания к моим рассказам - это всего лишь благодарность пожилых людей цирку их прежних лет, трогательное воспоминание детства.

Недавно я получил из Болгарии от неизвестного мне человека небольшое, очень порадовавшее меня письмо. Оно является как бы продолжением, послесловием к моей "Ольге Сур".

Я его привожу почти целиком, с малыми поправками. Надеюсь, читатели не посетуют на меня. Это письмо - правда. Вот оно:

М.Г. и т.д., отбрасывая часть официальную. Читал и вспомнил себя 17-летним гимназистом Киево-Печерской гимназии, одним из многих, влюбленных в Ольгу Сур. Впрочем это не совсем так. Влюблены мы были в других, в барышень, с которыми мы встречались на гимназических и чайных балах, или на катке в саду Меринга. А к Ольге Сур мы относились с какой-то особой лаской, теплотой и бережливостью. Иногда мы, что греха таить, - возвращаясь с вечеринки, говорили довольно-таки развязно о знакомых дамах и барышнях, но никто никогда не позволял ни себе, ни другим выразиться об Ольге Сур фривольно.

Нас было шестеро знатоков и любителей цирка, шесть приятелей, и в наш кружок входил окончивший с нами гимназический курс сын киевского генерал-губернатора гр.П.Игнатьева, в будущем полковник генерального штаба, ныне живущий у вас, в Париже.

Так как семья графа Игнатьева почти никогда в цирке не бывала, то губернаторской ложей пользовалась наша компания.

Помню, раз мы поднесли Ольге Сур букет. Поднесли за кулисами. Милая девочка покраснела не меньше нас, но протянула лодочкой каждому из нас худенькую ручку. В это время мимо нас проходил кто-то из униформы и с большим аппетитом ел апельсин, даже не очистив его, а прямо с

кожей. Ольга взглянула на него и вдруг сказала:

- Счастливцев! Он ест апельсин!

На другой день каждый из нас принес в цирк по десятку апельсинов. Тогда апельсины стоили по 3 коп. за штуку - и после номера Ольги (джигитовка) все шестьдесят апельсинов полетели на арену к ногам очаровательной. В награду две милые ручки послали нам несколько воздушных поделуев. Много ли надо тогда 17-летнему гимназисту?

Несколько дней спустя, во время того же номера Ольги, когда с лошади снимали седло и уздечку для вольного галопа, один из клоунов, кто - не помню *) - обратился к публике со следующей репризой:

- А скажите, господин капельмейстер, если бы у Олечки, когда ее папаше уже за шестьдесят лет, да вдруг родился бы братец - что надо было бы сказать про такой факт?

И так как публика молчала, то клоун объяснил:

- Надо было сказать: "Сур-рогат".

Очень немногие из публики засмеялись. По-видимому, не все поняли игру слов, но мы заметили, что Ольга круто повернула лошадь к клоуну и слабо вскрикнула.

Лошадь ее опять пошла свободным галопом. Нужно было брать барьеры. Держал один из барьеров несчастный клоун. Когда Ольга взяла предыдущий барьер, то вдруг сбросила наземь свою белую папаху, подняла над головой кавказскую нагайку с серебряной рукояткой и, поровнявшись с клоуном, уже на прыжке со всего размаха ударила его по лицу. Сквозь его грим сразу стал виден сначала мгновенно белый, а потом багровый рубец.

Клоун выпустил барьер и, закрыв лицо обеими руками, мелкими шагами побежал с манежа. Но тут публика уже поняла смысл дерзкого каламбура и наградила Ольгу бешеными аплодисментами.

Не знаю, известен ли вам этот случай? Если нет, то он будет лучшей черточкой в ваших воспоминаниях о цирке и о милой, маленькой Ольге, восхитительнице наших гимназических сердец.

Из нашей киевской шестерки нас в Болгарии оказалось двое: я и мой приятель-инженер. Он живет на границе Греции, я в Софии. Встречаемся лишь раз в год. Вспоминаем милое далекое... Непременно вспоминаем Ольгу Сур в черкесске и наши апельсины.

А.КУПРИН

*) Козлов. Отличный дрессировщик, добрый, милый человек и хороший товарищ. На эту дурацкую выходку он, не поняв каламбура, был подстрекнут Г., тогдашним киевским светским львом.